

Подсекция «Уголовный процесс и прокурорский надзор»

К вопросу о специфических принципах досудебного расследования

Волошина Владлена Константиновна
ассистент

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина
E-mail: voloshvlavlena@mail.ru

В юридической литературе сложились полярные мнения относительно принципов досудебного расследования. Ряд ученых отмечают ошибочность позиции, в соответствии с которой помимо общих принципов уголовного судопроизводства выделяются особые, частные принципы, присущие отдельным стадиям процесса [1]. М.А. Чельцов изменил свою точку зрения относительно наличия принципов предварительного следствия. Так, в учебниках 1948, 1951 годов он выделял специфические принципы предварительного следствия, отнеся к ним: принцип прокурорского расследования, быстроту, негласность, письменность, индивидуализация (обособление) следствия [2]. Позднее он отметил, что в литературе длительное время принято было говорить о «принципах предварительного следствия». Между тем советский законодатель неслучайно употребил применительно к предварительному следствию термин «общие условия», а не «принципы», подчеркнув тем самым единство системы принципов уголовного процесса [3].

По нашему мнению, нельзя ограничивать сферу деятельности принципа ни всеми стадиями уголовного процесса, ни некоторыми стадиями с обязательным проявлением в стадии судебного разбирательства. Действительно, многие принципы уголовного процесса находят свое проявление во всех или большинстве стадий уголовного процесса, в том числе в стадии судебного разбирательства. Однако это не исключает существования тех правовых положений, которые, не имея универсального для всего уголовного процесса характера, отражают сущность, черты, направленность конкретной стадии или производства как системы стадий (досудебного производства, судебного производства, производства по пересмотру судебных решений). При этом, безусловно, они не будут иметь такую степень обобщения, как те принципы, которые распространяют свое действие на все стадии уголовного процесса, однако будут иметь ключевой характер для определения сущности и направленности, достижения специфических задач конкретной стадии или производства (наличие которых в литературе никем не отрицается).

Система принципов уголовного процесса может быть представлена также внутренними взаимосвязями общепроцессуальных принципов и принципов некоторых или отдельных стадий уголовного судопроизводства [4]. В связи с этим возникает проблема существования специфических принципов, характерных для подсистем уголовного процесса.

Ряд ученых отстаивают позицию, в силу которой для досудебного расследования характерны специфические принципы [5]. Первым из ученых, выделивших эти принципы, был М.С. Строгович [6]; позднее по этой тематике была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук [7]. По мнению Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина, как и все другие стадии советского уголовного процесса, предварительное следствие строится на базе тех принципов, которые указываются законодателем. Являясь отправными и руководящими правовыми требованиями (положениями), эти принципы определяют основное содержание всей процессуальной деятельности в целом и ее отдельных этапов [8].

В системе принципов досудебного расследования можно выделить две самостоятельные подсистемы: общие принципы и специфические принципы. К общим принципам относятся общеправовые, межотраслевые, отраслевые принципы уголовного процесса, которые реализуются в досудебном расследовании. Они приобретают при этом специфическое проявление, которое определяется сущностью этой стадии. К специфическим принципам относятся принципы, характерные исключительно для досудебного расследования, обоих или одной из его форм – дознания и досудебного следствия.

Специфические принципы досудебного расследования – это наиболее общие правовые положения, выражающие специфические, сущностные черты и особенности стадии досудебного расследования и служащие гарантиями осуществления задач данной стадии.

К специфическим принципам досудебного расследования можно отнести следующие: оперативность и быстрота досудебного расследования уголовного дела; единоначальность досудебного расследования; процессуальная самостоятельность следователя; недопустимость разглашения данных дознания и досудебного следствия; ведомственный контроль за законностью действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное расследование; прокурорский надзор за законностью действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное расследование; судебный контроль за законностью действий и решений органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное расследование.

Литература

1. Цыпкин А. Л. Система принципов советского уголовного процесса.. - Науч. тр./ Саратов. юр. ин-т. – 1957. - вып. 1. - с. 145; Дубинский А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел. – Киев: НИ и РИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1987. – с.22.
2. Чельцов М.А. Уголовный процесс. – М.: Издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – с.368, 369-384; Чельцов М.А. Уголовный процесс. – 1951. – с.233-237.
3. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – 1962. – с.254.
4. Якупов Р.Х. Уголовный процесс / Научн. ред В.Н. Галузо. – М.: Темс, 2001. – с. 120.
5. Рахунов Р.Д. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. Автореф. дис... д.ю.н. - 1951.- с.10.
6. Строгович М. С. Уголовный процесс. – М., 1946.- с. 279.
7. Саркисянц Г.П. Принципы предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореф. дис... к.ю.н. – М., 1952. – с.8-9.
8. Жогин Н.В. Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М., 1965. - с.71-97

Доступ к суду в уголовном процессе: проблемы теории

Гловюк Ирина Васильевна

ассистент

Одесская национальная юридическая академия, Одесса, Украина

E-mail: iglovyuk83@inbox.ru

Специфика судебной защиты прав человека у головном процессе определяется в первую очередь особенностями правового регулирования доступа к суду при производстве по уголовному делу. В литературе формулируется понятие доступности правосудия и доступа к правосудию при производстве по уголовному делу. Так, под доступностью правосудия понимается не только территориальная близость органов правосудия к гражданам, но и наличие прав и возможностей их реализации по обращению в суд, инициации судебного разбирательства, а также наличие корреспондирующих обязанностей субъектов, которые ведут уголовный процесс [1, С. 8]. По мнению А. Михайленко, целесообразно разграничивать понятия «доступ к правосудию» и «доступность правосудия». Доступ необходимо связывать с соответствующим разрешением тех, от кого зависит предоставление возможности обратиться к правосудию для защиты своих прав, свобод и законных интересов. Доступность правосудия можно толковать как один из его принципов, иными словами – это возможность всех желающих свободно и без препятствий, пользуясь равными условиями, использовать этот институт для обеспечения своих прав и законных интересов [2, С. 40]. С. Давыденко указывает на то, что «право на доступ к правосудию» - это нормативно закрепленная и обеспеченная государством реальная возможность каждого заинтересованного лица беспрепятственного обратиться в компетентные государственные органы (дознания, следствия, прокуратуры) и суд за восстановлением нарушенных преступлением прав, свобод и законных интересов, без которого лицо не может реализовать свое право на судебную защиту [3, С. 8]. Как представляется, подобные определения доступа к правосудия являются чрезвычайно

широкими, поскольку фактически под правосудием понимается судебное разбирательство, инициированное гражданином, или уголовное судопроизводство в целом. При подобном толковании доступности правосудия и доступа к правосудию имеется в виду доступ к суду, причем не только при осуществлении им правосудия, то есть рассмотрения и разрешения по существу уголовного дела и применения в связи с этим норм материального права, но и при осуществлении им иных функций. Для преодоления этого противоречия в литературе отмечается, что предусмотренную Конституцией свободу доступа к правосудию в сфере уголовного процесса следует толковать расширительно, как свободу доступа и к предварительному расследованию, которое является необходимой предпосылкой стадии судебного разбирательства [4, С. 63; 5, С. 172]. Как представляется, для преодоления этого противоречия целесообразно использовать категорию «доступ к суду», которые подразумевает под собой наличие возможности рассмотрения и разрешения по существу уголовно-правового и уголовно-процессуального спора судом как на досудебных (доступ к судебному контролю), так на судебных (доступ к правосудию) стадиях. Предпосылкой доступа к суду является право на инициацию уголовного преследования.

Как представляется, учитывая приведенное выше определение правосудия по уголовным делам, доступ к правосудию можно понимать как наличие возможности рассмотрения и разрешения по существу уголовно-правового спора судом на судебных стадиях уголовного процесса.

Право человека на доступ к правосудию по уголовному делу может быть усложнено или исключено путем принятия определенных уголовно-процессуальных решений, а именно: отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела, приостановления уголовного дела. Поэтому при наличии таких уголовно-процессуальных решений право на доступ к правосудию может быть реализовано только посредством

Секция «Юриспруденция»

инициации неотложного судебного контроля для проверки законности и обоснованности этих процессуальных решений.

В досудебном производстве суд (судья) реализует, как представляется, не функцию правосудия, а функцию судебного контроля, под которым понимается проверка законности и обоснованности действий, бездеятельности, решений субъектов, которые осуществляют досудебное производство по уголовному делу. В досудебном производстве (в отличие от судебного) судебный контроль является неотложным, то есть осуществляется в порядке отдельного производства на стадии досудебного расследования. Неотложность либо отсроченность судебного контроля определяется тем кругом действий, бездеятельности, решений, которые могут быть рассмотрены и разрешены судом (судьей) в стадии досудебного расследования. Наличие неотложного и отсроченного судебного контроля не противоречит ст. 55 Конституции Украины, поскольку, как верно указывается в литературе, нормами ст. 55 Конституции Украины, которая гарантирует судебную защиту, не установлены конкретные процедуры ее осуществления и не исключена возможность судебной проверки жалоб на действия и решения органом дознания, следователя и прокурора и после передачи уголовного дела в суд [6, С. 51].

Институт судебного обжалования процессуальных решений, действий и бездеятельности органов дознания, следователя и прокурора является эффективным механизмом защиты прав человека, но в то же время может использоваться и с целью затягивания досудебного производства по уголовному делу. Поэтому круг тех решений, действий, проявлений бездеятельности, которые могут быть предметом неотложного судебного контроля, должен быть сформулирован с учетом критерия доступа к правосудию.

Таким образом, в уголовном процессе доступ к суду – это наличие возможности рассмотрения и разрешения по существу уголовно-правового и уголовно-процессуального

спора судом как на досудебных (доступ к судебному контролю), так на судебных (доступ к правосудию) стадиях, а доступ к правосудию представляет собой обеспечение возможности рассмотрения уголовного дела по существу в судебных стадиях уголовного процесса.

Литература

1. Дроздов О.М. Джерела кримінально-процесуального права України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 “Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза” / О.М. Дроздов – Харків, 2004. – 19 с.
2. Михайленко О. Про систему елементів доступності громадян до правосуддя / О. Михайленко // Вісник Академії прокуратури України. – 2007. – №3. – С. 39-43.
3. Давиденко С. В. Потерпілий як суб’єкт кримінально-процесуального доказування: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 “Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза” / С.В. Давиденко. – Х., 2007. – 20 с.
4. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / Лазарева В.А. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1999. – 136 с.
5. Потерпілий від злочину (міждисциплінарне правове дослідження) / Колектив авторів. За заг. ред. Ю.В. Бауліна, В.І. Борисова. – Х.: Вид-во Кроссрод, 2008. – 364 с.
6. Маляренко В.Т. Про оскарження дій (бездіяльності) та процесуальних рішень органів дізнання, слідчого і прокурора / В.Т. Маляренко // Вісник Верховного Суду України. – 2001. - №6. – С. 50-53.

О необходимости законодательного определения правоспособности и дееспособности участников уголовного судопроизводства

Гомбоева Людмила Петровна
аспирант

ГОУ ВПО «Бурятский государственный университет»
shiretorowa@rambler.ru

Ст. 2 Конституции РФ провозгласила: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства»¹. Особое значение признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина имеет в уголовном судопроизводстве.

Давая определение уголовному судопроизводству или процессу, проф. К.Ф. Гуценко обоснованно подчеркивает, что оно включает не только деятельность уполномоченных органов, должностных лиц, и иных участников по уголовному делу, но и уголовно-процессуальные правоотношения¹. «Проблема уголовно-процессуальных правоотношений относится к числу фундаментальных и наиболее масштабных в науке уголовно-процессуального права. Поскольку же она имеет непосредственное отношение к разработке теоретических и прикладных вопросов обеспечения прав и свобод человека и гражданина», - заявлял В.П. Божьев.¹

Особенностью процессуальных правоотношений является то, что они «возникают только как правовые и в другом качестве существовать не могут»¹. В теории права одним из основных элементов правоотношения выделяют его субъекты. С точки зрения

системного подхода, считает, В.Н. Протасов, что состав правоотношения образуют только его субъекты.¹

Традиционно в правоведении для характеристики субъектов правоотношения используются такие юридические категории как «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность». Еще Г.Ф. Шершеневич писал, что «только законом может устанавливаться и признаваться то особое юридическое качество, или свойство, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права. Это качество, или свойство, называется правосубъектностью»¹.

Уголовно-процессуальный закон России прямо не устанавливает понятий «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность» при регламентации правового положения участников уголовного судопроизводства, хотя косвенно в отдельных нормах подразумеваются данные понятия.

В отличие от уголовного судопроизводства для гражданского судопроизводства законодатель ввел понятия данного вида в Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и в ГПК РСФСР 1964 г.¹

Так в ст. 36 Гражданского процессуального кодекса РФ определяется гражданская процессуальная правоспособность, в ст. 37 - гражданская процессуальная дееспособность. Далее в ст.ст. 399-400 раскрывается гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность иностранных граждан, лиц без гражданства, процессуальная правоспособность иностранной организации и международной организации¹.

В ст. 43 Арбитражного процессуального кодекса РФ также вводятся термины «процессуальная правоспособность» и «процессуальная дееспособность»¹.

В науке уголовно-процессуального права предпринимались попытки определить понятия правоспособности и дееспособности в уголовном процессе¹. Подробно исследует данные категории О.А. Зеленина, хотя считает, что вполне допустимо то, что уголовно-процессуальный закон не раскрывает понятия правоспособности и дееспособности, так как предусматривает для лиц ряд гарантий.¹ Данное положение спорно, так как гарантии являются одним из элементов правового статуса наряду с правосубъектностью.

Следует согласиться с В.П. Божьевым, что отсутствие понятия уголовно-процессуальной дееспособности, является недостатком УПК¹. Представляется, что на законодательном уровне требуется ввести в УПК РФ не только данное понятие, а также по аналогии понятие уголовной процессуальной правоспособности, понятие уголовной процессуальной правоспособности и дееспособность иностранных граждан, лиц без гражданства с учетом отраслевых особенностей уголовно-процессуального права.

Библиография:

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993// «Российская газета», N 237, 25.12.1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2008) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 11.06.2008)// «Российская газета», N 220, 20.11.2002.
4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 11.06.2008) // «Российская газета», N 137, 27.07.2002.
5. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Божьев. М., 1994.
6. Гусев В.Г. Гражданская процессуальная правоспособность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Гусев. Саратов, 1996. –С. 5
7. Зеленина О.А. Процессуальный статус участника уголовного процесса и его изменение в досудебном производстве: монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД РФ, 2006.
8. Марченко М.Н. Проблемы общей теории права и государства: учеб. в 2 т. Т. 2. Право. – 2 изд. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

9. Полосков П.В. Правоспособность и дееспособность в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.В. Полосков. М., 1996.
10. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. / В.Н. Протасов М., 2004.
11. Теория государства и права: курс лекций. 2 изд. / под ред. Н. И. Матузова и А.В. Малько. М., 2000.
12. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 5 изд. / Под ред. К.Ф. Гуценко. М: Зерцало, 2004.

Некоторые проблемы участия адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю на стадии предварительного расследования

Зайцева О. С.¹

студент

*Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета,
юридический факультет, Новокузнецк, Россия*

E-mail: delfina.nvkz@mail.ru

Расследование уголовного дела затрагивает интересы не только обвиняемого и потерпевшего, но и других лиц, которые оказываются вовлеченными в этот процесс. Одним из таких лиц является свидетель, и его показания можно, по сути, назвать основными, так как в качестве свидетелей допрашиваются любые лица, которым известны какие-либо обстоятельства о расследуемом уголовном деле.

Во избежание возможных нарушений на практике в УПК РФ введена новелла – возможность адвоката присутствовать на допросе свидетеля и пользоваться некоторыми правами. Однако, закрепив такое право, УПК все-таки не содержит механизма его реализации. И поэтому можно выделить некоторые пробелы и пути их устранения.

Во-первых, УПК содержит право свидетеля являться с адвокатом только на допрос. Но существуют и другие следственные действия, в которых может участвовать свидетель.

Во-вторых, непонятно, в каком качестве адвокат вступает в уголовно-процессуальные отношения с другими субъектами процесса (участник со стороны защиты либо обвинения или иной участник уголовного судопроизводства).

В-третьих, не все свидетели знают о праве приглашать адвоката и многие просто не пользуются этим. Одной из причин является то, что следователь не всегда разъясняет свидетелю такое право. Поэтому в повестке о вызове на допрос в качестве свидетеля должно помимо общих сведений содержаться еще положение о праве на приглашение адвоката.

В-четвертых, полномочия адвоката достаточно ограничены на допросе свидетеля и очной ставке с ним. Так, ч.5 ст.189 и ч.6 ст.192 УПК РФ отсылают нас к полномочиям, предусмотренным ч. 2 ст. 53 УПК РФ, к которым относятся: краткие консультации в присутствии следователя свидетелю, вопросы допрашиваемым лицам с разрешения следователя и письменные замечания по поводу записей в протоколе следственного действия. В ст. ст. 189 и 192 УПК РФ говорится о том, что адвокат приглашается на допрос и очную ставку для оказания юридической помощи, но кодекс не регламентирует, что же это за юридическая помощь. Однако Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (в ред. от 23.07.2008 г.) к одному из видов юридической помощи относит и составление документов правового характера, в том числе и жалоб, например, на действия следователя. Поэтому целесообразно закрепить и другие полномочия адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю, которыми он имеет право пользоваться как на допросе, так и после него.

Итак, предлагается дополнить главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» новой статьей, регламентирующей статус и полномочия адвоката,

Секция «Юриспруденция»

оказывающего юридическую помощь свидетелю, и относящей его к иным участникам уголовного судопроизводства, в следующем виде:

Статья 56¹. Адвокат, оказывающий юридическую помощь свидетелю.

1. Адвокатом, оказывающим юридическую помощь свидетелю, является лицо, получившее в установленном законодательством порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, и приглашенное свидетелем либо его законным представителем для участия в уголовном судопроизводстве.

2. Адвокат допускается к участию в судопроизводстве по предъявлении удостоверения и ордера.

3. Адвокат вправе:

- 1) участвовать в допросе свидетеля, а также в других следственных действиях, производимых с участием свидетеля;
- 2) знакомиться с протоколами следственных действий и судебных заседаний, в которых участвовал свидетель;
- 3) заявлять ходатайства и отводы;
- 4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда и участвовать в их рассмотрении судом;
- 5) давать краткие консультации в присутствии следователя свидетелю;
- 6) задавать вопросы допрашиваемым лицам с разрешения следователя;
- 7) делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе следственного действия.

4. Адвокат не вправе:

- 1) разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу;
- 2) отказываться от принятой на себя обязанности по оказанию юридической помощи свидетелю.

Таким образом, участие адвоката, оказывающего юридическую помощь свидетелю, является важной гарантией соблюдения прав последнего, а также обеспечивает четкое соблюдение закона при производстве различных следственных и процессуальных действий. Кроме того, сформулированные законодательные предложения позволяют усовершенствовать участие адвоката в уголовном процессе.

Литература

1. Авдеев В., Воскобойник И. (2006) Проблемы деятельности адвоката при производстве следственных действий с участием свидетеля // Уголовное право, №5, с. 84-86
2. Арабули Д. (2005) Право на квалифицированную юридическую помощь некоторых участников уголовного судопроизводства // Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации правосудия. СПб.
3. Леви А.А., Игнатъева М.В., Капица Е.И. (2003) Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. Москва

Вывод эксперта как источник доказательств*Иваськив В.Р.*

студентка юридического факультета

Львовский государственный университет внутренних дел, Львов, Украина

Когда при производстве по уголовному делу необходимо использование специальных знаний в отрасли науки, техники, искусства, назначается экспертиза. Проведение экспертизы в уголовном судопроизводстве – это процессуальное действие, которое заключается в исследовании экспертом по заданию следователя (суда) вещественных доказательств и других материалов с целью установления фактических данных и обстоятельств, которые имеют значение для правильного решения дела [2,С.223]. Результаты проведенных исследований эксперт закрепляет в своем выводе, который дает от своего имени и несет за него личную ответственность.

Вывод судебного эксперта – это процессуальный документ, в котором эксперт по заданию органа расследования и суда выкладывает ход исследования и свои выводы об установленных им обстоятельствах дела. Вывод эксперта не имеет заранее установленной силы и во всех случаях имеет одинаковое процессуальное значение в сравнении с другими доказательствами.

Основными видовыми признаками каждого вывода эксперта как средства доказательства, а также объекта проверки и оценки следователем и судом за конкретным делом является: характер специальных знаний, необходимых для решения поставленных перед экспертизой заданий, способ реализации специальных знаний во время проведения исследования [3,С.60].

Выводы эксперта являются категорически позитивными, когда однозначно устанавливается конкретный факт; категорически негативными, когда однозначно устанавливается отсутствие тождественности или возможности наступления какого-то явления; вероятными – то есть предположениями разной степени надежности о существовании или отсутствии определенных фактов. В доказывании можно оперировать лишь категорическими выводами. Использование субъектами доказывания в официальных документах или высказываниях ссылок на вероятные выводы является ошибкой [2,С.225].

В юридической литературе нет единственной мысли относительно того: есть вывод эксперта первобытным или производным средством доказывания. Многие криминалисты и процессуалисты считают, что вывод всегда является первобытным доказательством. Например, А. Винберг отмечает, что вывод эксперта является первобытным доказательством, поскольку содержит вывод о наличии таких фактов, которые имеют значения для дела, которые к нему не были известны следователю или суду. И. Петрухин пишет, что этот аргумент не является убедительным. Вывод эксперта обосновывается только на данных исследования, которые получены независимо от других доказательств, и поэтому он оригинален, самостоятелен, непосредственный. Иной точки зрения придерживается А. Дулов, который считает, что вывод эксперта является производным доказательством, так как основывается на исследовании других доказательств [3,С.62].

Вывод эксперта состоит из трех частей: вступительной, исследуемой и непосредственно выводов. Каждая страница вывода эксперта подписывается им, а каждая подпись заверяется печатью [4,С.191].

Важным элементом вывода являются приложения к нему (фотоснимки, схемы, чертежи и тому подобное), которые обеспечивают наглядность и убедительность проведенных исследований. Приложения к выводу являются дополнительными «опорными» средствами контроля обоснованности и достоверности выводов. Проверка дополнений позволяет определить или правильно примененные методы исследования, какие признаки объектов обнаружены экспертом и тому подобное.

Вывод эксперта должен быть всесторонне изучен следователем и судом с целью установления его достоверности как источника доказательств по конкретному делу. Достоверность вывода – это полное соответствие описанных в нем исследований и сделанных на их основе выводов фактам действительности [3, С.62].

Вывод эксперта подлежит тщательной проверке и оценке следователем и судом. Оценка вывода эксперта является сложной умственной деятельностью. Она включает: анализ соблюдения процессуального порядка назначения и проведения судебной экспертизы; определение соответствия вывода эксперта заданию; установление полноты и научной обоснованности вывода эксперта; определение соответствия вывода эксперта другим собранным по делу доказательствам; проверку отнесения к делу данных, которые содержатся в выводе. Суд, прокурор, следователь и лицо, которое осуществляет дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, которое основывается на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом [1,С.41]. Вывод эксперта, как и другие доказательства, подлежит оценке, которая включает два этапа: 1) анализ условий и методов проведения исследований; 2) сопоставление вывода эксперта с другими доказательствами по делу. В результате оценки вывода эксперта следователь (суд) может принять одно из таких решений: 1) признать вывод полным и обоснованным, таким, которое имеет значение для дела; 2) признать вывод неполным или недостаточно ясным и при необходимости назначить дополнительную экспертизу или допросить эксперта в соответствии со ст.201 Уголовно-процессуального кодекса Украины; 3) признать вывод необоснованным или сомнительным и при необходимости назначить повторную экспертизу или провести другие процессуальные действия, направленные на проверку выводов эксперта.

Таким образом, по моему мнению, вывод эксперта как источник доказательств играет весомую роль в процессе доказывания и является одним из наиболее надежных источников доказывания. Однако, чтобы обеспечить правильность вывода по определенному уголовному делу, нужно предоставить эксперту необходимого оборудования, которое отвечало бы современному уровню и достижению науки и техники именно для использования необходимых знаний при проведении судебной экспертизы. С целью устранения возможных недостатков при проведении судебных экспертиз, следует привлекать к их выполнению квалифицированных экспертов с соответствующим профессиональным уровнем в данной отрасли знаний.

Литература

1. Кримінально-процесуальний кодекс України: чинне законодавство зі змінами та допов. на 15 серп. 2008 р.: (відповідає офіц. текстові). –К.: Вид. ПАЛИВОДА А.В., 2008. – 200с.
2. Кримінально-процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар. За заг.ред. В.Т. Маляренка, В.Г. Гончаренка – Вид. п'яте, перероблене та доповнене – К.: "Юристконсульт", КНТ. – 2008. – 896с.
3. Ціркаль В. Перевірка та оцінка висновку експертизи на судовому слідстві і суді // Право України. - 2005.- №8.- С.60-63.
4. Судово-експертна діяльність Довідник для експертів / За загальною редакцією Красюка І.П. / Київ, Державний науково-дослідний експертно-криміналістичний центр МВС України, 2002. – 320с.
5. Ціркаль В. Проведення експертизи у суді: організаційні питання // Право України. – 2004 - №1. – С.62-67.

Возможности уголовно-процессуальных мер предупреждения преступлений в противодействии преступности

Кучеренко Людмила Анатольевна¹

студентка

*Адыгейский Государственный Университет, Юридический факультет, Майкоп, Россия.
E-mail: lyuda872002@mail.ru*

В современной России уровень учтенной преступности составляет около 3 млн. деяний в год. При этом уровень реальной преступности еще выше за счет латентной части совершаемых преступлений. По разным оценкам у нас фактически совершается более 15 млн. преступлений (В.В. Лунеев, 2007). На фоне крайне неблагоприятной криминальной ситуации, противодействие преступности выступает одним из важнейших направлений государственной деятельности.

Предупреждение преступлений представляет собой деятельность по недопущению преступлений путем *устранения причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению*, а также оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением. Путем предупреждения преступлений можно снижать уровень, влиять на структуру преступности, поэтому в борьбе с преступностью предупреждение играет большую роль (Курганов С.И., 1999).

Профилактическая работа по предупреждению преступлений, которую проводят сегодня органы государственной власти, органы местного самоуправления, заинтересованные министерства и ведомства зачастую выполняется формально, носит бессистемный, нецеленаправленный характер, и, как следствие, эффективного влияния на преступность не оказывает (Бабаев М.М., Крутер М.С., 2006).

Если обращаться к опыту советского времени, то предупреждение преступлений рассматривалось как приоритетное направление борьбы с преступностью. В рамках системы МВД действовала специализированная профилактическая служба, на предприятиях функционировали советы профилактики, при соответствующих исполкомах действовали межведомственные комиссии и пр. И если значительного влияния деятельность субъектов профилактики, для которых предупреждение преступлений выступало дополнительным направлением работы по отношению к их основной деятельности, не оказывала, то профилактическая работа органов, для которых она была основной, характеризовалась положительно.

В настоящее время налаженной системы предупреждения противоправного поведения, не существует, несмотря на то, что ее создание отвечает целям и задачам, стоящим перед российским обществом на современном этапе развития, а вопросы ее формирования активно обсуждаются в научной литературе (Герасимов С.И., 2001).

Анализ действующего законодательства свидетельствуют о том, деятельности по предупреждению преступлений уделяется большое внимание. Так, согласно действующему уголовному закону, предупреждение преступлений входит в круг задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ). Из числа предусмотренных ст. 73 УПК РФ, подлежат выявлению и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч.2 ст. 73 УПК РФ), для устранения которых уголовно-процессуальным законом предусмотрено право следователя и дознавателя внесения в соответствующий орган или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер к устранению указанных обстоятельств и других нарушений закона (ч.2 ст. 158 УПК РФ).

В процессе расследования помимо представления, с целью предупреждения преступлений, проводятся отдельные процессуальные действия, например, заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого, задержание подозреваемого, намеревающегося совершить другое преступление, изъятие холодного, огнестрельного оружия (не орудия данного преступления) у обвиняемого, используются возможности, предоставленные следователю ч.4 ст. 21 УПК РФ и п.4 ч.2 ст. 38 УПК РФ (направление запросов и поручений). Даже такое действие, как возбуждение уголовного дела, является в определенной степени предупредительным.

Указанные действия ориентированы на раскрытие преступления, полное, всестороннее и объективное его расследование. Кроме этого, они оперативно влияют на

криминогенную обстановку, поскольку направлены на недопущение совершения лицом, уже совершившим преступление, других преступлений или правонарушений.

Из числа всех вышеуказанных процессуальных действий, на наш взгляд, особое место занимает представление, которому отводится роль, не столько воздействия на предупреждение совершения новых преступлений субъектом данного преступления, сколько оказание профилактического воздействия на неопределенный круг лиц путем установления причин преступления и устранения способствующих ему обстоятельств. Именно поэтому его предполагаемое профилактическое воздействие значительно выше других уголовно-процессуальных мер.

Как показало изучение 80 уголовных дел, находящихся в архиве Майкопского городского суда, проведенное в рамках исследования, представления внесены по результатам расследования 68 уголовных дел. Их профилактическое значение во многом зависит от своевременности рассмотрения и действенности принятых по ним мер. Серьезной проблемой является качество подготавливаемых представлений. Основная масса внесенных представлений (80%) содержит требования об улучшении профилактической работы участковых милиционеров. Не уделяется должного внимания обращению в другие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и в муниципальные органы, которые могут принять реальные меры и повлиять на изменение ситуации. Подавляющее большинство представлений носит описательный характер, подготовлены формально, а вносимые требования недостаточно мотивированы и неконкретны. Результаты их рассмотрения неэффективны.

Руководителями организаций и должностными лицами вносимые представления рассматриваются в установленные законом сроки, однако количество удовлетворенных требований репрессивного характера незначительно. И несмотря на порой явное бездействие ответственных лиц по реализации содержащихся в представлении требований и предложений, полномочия по привлечению таких лиц по ст. 17.7 КоАП РФ путем направления соответствующих материалов прокурору для возбуждения производства об административном правонарушении, реализуются крайне редко.

Результаты исследования свидетельствуют, что возможность достижения цели предупреждения преступлений с помощью уголовно-процессуальных мер носит не декларативный, а реальный характер. Для повышения эффективности принимаемых мер как по установлению, так и устранению обстоятельств, способствующих совершению конкретного преступления целесообразным представляется не внесение изменений в нормы уголовно-процессуального закона, а принятие соответствующими ведомствами организационных мер (контроль за внесением и рассмотрением представлений, применение мер дисциплинарного воздействия и пр.). Совершенствуя организацию работы следователей и дознавателей по установлению причин преступления и устранению способствовавших ему обстоятельств, удастся реализовать заложенный в представлении, как уголовно-процессуальной меры предупреждения преступлений, потенциал и способствовать обеспечению безопасности граждан от криминогенных факторов.

Литература

1. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. – М., 2006.
2. Герасимов С.И. Возрождение системы предупреждений преступлений // Россия в третьем тысячелетии. Научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. – М., 2001.
3. Курганов С.И. Основания криминологической теории. – М., 1999.
4. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. – 2007. – №5.

Проблема становления ювенальной юстиции в России

Маравина А.А.

Студент

Федеральное агентство по образованию

Федеральное государственное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградская академия государственной службы»,
юридический факультет, Волгоград, Россия
E-mail: alenat88@ya.ru

Одной из актуальных проблем российского права является вопрос становления и развития ювенальной юстиции в России. Однако вопрос о субъекте, который должен строить данную систему, у многих не возникает – это обязанность государства. Пока реформы проходят на уровне локальных экспериментов, их руководители придерживаются гуманистической идеологии работы с подростками. Однако государство должно взять на себя руководство процессом создания ювенальной юстиции.

Ключевая проблема заключается в том, что «современные системы контроля за преступностью – это один из многочисленных случаев потери возможности для вовлечения граждан в решение задач, имеющих для них непосредственную важность. Наше общество – это общество монополистов на решение задач».

Фундаментальной основой реализации профилактическо-реабилитационных программ должна стать установка на осознанное и добровольное участие в них граждан. Поэтому остро стоит вопрос о включении граждан в их выполнение. На это работает восстановительное правосудие, призванное повышать степень участия людей в разрешении собственных конфликтов и предотвращении криминогенных ситуаций.

Таким образом, построение системы ювенальной юстиции должно опираться на формы работы, в которых несовершеннолетние правонарушители видели бы последствия своих действий и брали на себя ответственность за содеянное. Такие формы работы должны обеспечить возможность личностного взаимодействия и участия в разрешении проблем тех людей, кого непосредственно затронул криминальный конфликт или ситуация с несовершеннолетним; добровольное и осознанное вовлечение в реабилитационные мероприятия несовершеннолетних, подверженных риску. Данный акт возможен в рамках взаимодействия участников рассмотрения дела и попечительства в виде неформального участия общественности.

Крайне важно избегать подмены личностного взаимодействия участников дела *формальной* работой чиновников или специалистов (социальных работников, психологов и т.д.). Это не означает, что *последние* не должны участвовать в этом процессе (в отдельных случаях без *их* участия обойтись нельзя). Более того не следует злоупотреблять принудительным помещением несовершеннолетних в государственные воспитательные учреждения – такая изоляция признается необходимой в исключительных случаях.

В настоящее время существует определенная тенденция синтеза восстановительных и профилактико-реабилитационных программ как взаимодополняющих. При работе с *несовершеннолетними правонарушителями* (т.е. подростками, которые уже нарушили закон или принадлежат к группе риска) лучшего результата позволяют добиться программы восстановительного правосудия. **В** необходимых случаях профилактико-реабилитационная работа выступает как сопровождение подобных программ.

Таким образом, к общественно значимым функциям ювенальной юстиции в России относятся: восстановление социальных отношений, нарушенных в результате преступления (этому служат программы возможного примирения участников процесса, семейные конференции, направленные на возмещение ущерба, реабилитацию жертвы и преступника, вовлечение ресурсов местных сообществ в работу по выходу из криминальных ситуаций); ресоциализация несовершеннолетних; усиление профилактико-реабилитационной работы; ограничение поля действия карательных технологий за счет участия граждан в социальном контроле.

Подводя итог вышесказанному, в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России отражены подходы к созданию ювенальной юстиции, отвечающей современным международным стандартам ее организации и

функционирования. Представляется необходимым более четкое определение возрастной специфики и правовой регламентации функционирования ювенальной юстиции.

Литература

1. Кристи, Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. – М., 1999. – С. 34.
2. Зер. Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. – М., 1998.
3. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический Центр Пресс», 2006. – 787 с.

Предъявление гражданского иска с целью защиты интересов нескольких лиц

Навроцкая В.В

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Львовский государственный университет внутренних дел, Львов, Украина*

Существует мысль, согласно которой институт гражданского иска не должен применяться в уголовном судопроизводстве как элемент, неприсущий его публичной природе [1, С.29-30]. Однако многие ученые высказываются за его сохранение, и, даже, за еще более широкое внедрение в него элементов диспозитивности.

Одним из примеров реализации отмеченных предложений на практике является следующая ситуация. До 21 июня 2001 года УПК Украины содержал положение, в соответствии с которым суд мог при вынесении приговора по собственной инициативе решить вопрос о возмещении материальных убытков, нанесенных преступлением. Некоторые ученые выступали против этих полномочий как противоречащих принципу состязательности, поскольку суд, принимая данное решение, выполнял также функцию обвинения, а, следовательно, не мог быть беспристрастным арбитром. Кроме того, эта норма, по мнению многих ученых, противоречила положению о свободе осуществления гражданских прав. В этих условиях инициатива суда по возмещению причиненного преступлением вреда была нарушением принципа диспозитивности. Подобная норма существовала раньше также и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. В ч.5 п.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 года № 297-0 по этому поводу прямо сказано: непредъявление гражданского иска в уголовном процессе может свидетельствовать о том, что пострадавший по каким-то причинам решил отказаться от него. В этих условиях принятие на себя судом инициативы по возмещению вреда является нарушением принципа диспозитивности и, по-сути, является возложением на пострадавшего обязанности получить защиту, о которой он не заявлял ходатайство [4]. Ситуация, при которой суд принуждал обвиняемого (гражданского ответчика) удовлетворить материально правовые требования, при их фактическом отсутствии была, по мнению С.А. Касаткиной [2, С.145], ничем иным, как искажением действия принципа публичности в сфере отношений, которая выходит за пределы регуляции уголовно-процессуального закона, и свидетельствовала об избыточном вмешательстве государства в сферу правовой свободы потерпевшего в уголовном процессе. Очевидно, исходя именно из наведенных выше соображений, украинский законодатель полностью оправданно исключил эту норму как не отвечающую диспозитивной природе института гражданского иска.

При рассмотрении гражданского иска возможно процессуальное соучастие - участие нескольких гражданских истцов или нескольких лиц, которые должны нести ответственность в связи с заявленным гражданским иском, требования или обязанности которых не исключают друг друга. Причем каждый из них является полностью самостоятельным и вправе совершать в пределах закона любые процессуальные действия по своему усмотрению, не будучи связанным мнением остальных процессуальных соучастников. Это следует рассматривать как одно из проявлений принципа

диспозитивности. Поскольку наличие в одном уголовном деле нескольких гражданских истцов или нескольких лиц, которые должны отвечать по гражданскому иску, осложняет процесс, поэтому целесообразно было бы дополнить УПК Украины нормой, в соответствии с которой, кроме процессуальных прав, которыми наделены стороны, процессуальные соучастники могли бы поручить ведение дела только одному из них (профессиональному представителю), а также присоединиться к жалобе (в том числе к апелляционной или кассационной), поданной одним из них.

Ю.В. Курдубанов считает, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве существует пространство для «группового иска», на основании которого можно защитить интересы большой группы пострадавших от преступления лиц, персональный состав которой точно неизвестен на момент возбуждения уголовного дела (например, жертв так называемых «финансовых пирамид»). Автор считает, что интересы такой группы может защищать один или несколько ее участников «...без получения на это особых полномочий со стороны остальных лиц, которые к ней входят». Эту деятельность Ю.В. Курдубанов по-иному называет еще процессуальной солидарностью. По условиям процессуальной солидарности решение суда относительно гражданского иска в интересах одного из истцов, по мнению ученого, должно порождать те же последствия и для всей группы процессуальной солидарности [3, С.61]. Процессуальная солидарность проявляется «при наличии группы гражданских истцов, которые принимают участие в одном уголовном деле в этом качестве и которых объединяет общая позиция в порядке решения их гражданских исков [3, С.62]. Ю.В. Курдубанов отмечает, что следует разграничивать понятие процессуальной группы, которая предусматривает процессуальную солидарность при предъявлении гражданского иска, и понятия простого процессуального соучастия нескольких гражданских истцов. Важной чертой процессуального соучастия при предъявлении гражданского иска в уголовном деле является то, что каждый из гражданских истцов относительно другой стороны выступает в процессе самостоятельно (хотя процессуальные соучастники могут поручить ведение дела одному из них), что исключено в случае предъявления группового иска [3, С.62-63]

Обращает на себя внимание значительная противоречивость в высказываниях этого ученого. Для того, чтобы это продемонстрировать более выразительно, приведу еще раз высказывание Ю.В. Курдубанова, но уже со своими комментариями и замечаниями. Так, автор сначала говорит о том, что групповой иск позволяет защитить интересы большого количества лиц, персональный состав которого неизвестен на момент возбуждения уголовного дела [3, С.61], а уже на следующей странице этой же диссертации утверждает, что процессуальная солидарность проявляет себя при наличии определенной группы гражданских истцов [3, С.62]. Вероятно, что неопределенное количество лиц и пусть какое угодно большое число гражданских истцов, но которых можно перечислить - это, конечно же, разные вещи. Кроме того, сначала Ю.В. Курдубанов отмечает, что один или несколько участников группы процессуальной солидарности могут представлять интересы остальных членов такой группы без особых полномочий с их стороны [3, С.61] (здесь, в свою очередь, возникает вопрос: что следует понимать под «особенными полномочиями», и как их отличить от «неособенных»?), а позже говорит о том, что в случае предъявления группового иска одним из его участников, тот вообще не нуждается ни в каких поручениях со стороны других гражданских истцов [3, С.63]. Кажется, что вышеприведенное предложение вряд ли можно считать приемлемым. Ведь если инициатива суда относительно возмещения нанесенного пострадавшему вреда, вопреки его желанию, расценивается как нарушение принципа диспозитивности, то, вероятно, так же должна расцениваться аналогичная деятельность частных лиц.

Литература

1. Бозров В. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Российская юстиция. - 2001. - №5. - С.29-30

2. Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Институт государства и права Российской академии наук. - М., 2002. - 255с.
3. Курдубанов Ю.В. Обеспечение прав гражданского истца при рассмотрении уголовных дел судами: Дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Международный независимый университет эколого-политологический университет. - М., 2002. - 219с.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2001 г. № 297-0 «По жалобе гражданки М.Е. Костровой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 29 УПК РСФСР и жалобе гражданина П.А. Шалькова на нарушение его конституционных прав пунктом 7 части первой статьи 303 УПК РСФСР» // www.consultant.ru

Врачебная тайна и проблемы ее охраны в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации

Орловская Л.Г.¹

***Ведущий специалист отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Минск, Республика Беларусь
E-mail: ludmila_orlovskaya@tut.by***

В процессе производства по уголовному делу правоохранительные органы нередко сталкиваются с необходимостью получения сведений, относящихся к врачебной тайне. Однако далеко не всегда участники уголовно-процессуальных правоотношений соблюдают требования законодательства, регулирующие порядок доступа к данной группе сведений. Так, в Республике Беларусь имеют место случаи разглашения врачебной тайны в отношении свидетеля по уголовному делу, когда на запрос следователя о факте вызова «скорой помощи» с номера телефона, принадлежащего данному участнику процесса, организацией здравоохранения предоставлялась копия карты вызова «скорой помощи» с указанием диагноза, выставленного свидетелю, и других личных сведений [1]. О многочисленных нарушениях норм российского законодательства о врачебной тайне свидетельствуют публикации в юридической печати. Например, Ю.Н. Аргунова отмечает, что «знакомиться с историями болезни, не спрашивая на то разрешения у пациентов, считают для себя возможным прокуроры...», а социологическое исследование, проведенное М.Э. Гурылевой в г. Казани, показало, что из 115 врачей различных специальностей, работающих в амбулаторно-поликлинических учреждениях города, 12 % нарушали право пациента на конфиденциальность [2]. Приведенные факты говорят о том, что рассматриваемая проблема является актуальной как для Республики Беларусь, так и для Российской Федерации и заключается в отсутствии надежных правовых гарантий сохранения в тайне сведений, переданных пациентом врачу.

Регламентация института врачебной тайны осуществляется Основным Законом каждого государства, закрепившего право гражданина на охрану здоровья (ст. 45 Конституции Республики Беларусь, ст. 41 Конституции Российской Федерации), Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» (далее – Закон) и Основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. (далее – Основы), а также п. 7 ч. 2 ст. 60 УПК Республики Беларусь (далее – УПК) [3;4].

Следует отметить, что в научной литературе употребляется понятие «медицинская тайна», в белорусском законодательстве упоминается о «профессиональной тайне», однако общепринятым для обоих государств является термин «врачебная тайна» (ст. 46 Закона и ст. 61 Основ). Законодатель дает определение рассматриваемому понятию

путем закрепления перечня сведений, относящихся к данной тайне. В этом перечне можно выделить две группы сведений: 1) информацию медицинского характера; 2) иную информацию, в том числе личного характера, полученную при оказании медицинской помощи (в Основах – иную информацию, полученную при обследовании и лечении гражданина). При этом круг сведений, относящихся к врачебной тайне, белорусским и российским законодателем определен по-разному. Важной гарантией неразглашения таких сведений является включение врачебной тайны в перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188.

Дискуссионным является вопрос о субъекте, обязанном хранить врачебную тайну. В частности, обсуждается возможность включения в круг таких субъектов народных целителей, что особенно актуально для России, где осуществление народного целительства урегулировано на уровне федерального законодательства (ст. 57 Основ). В Республике Беларусь обязанность хранить врачебную тайну распространяется на работников здравоохранения, к которым относятся лица, занимающие должности медицинских (фармацевтических) работников, а также иные лица, работающие в области здравоохранения (ст.ст. 1, 51, 52 Закона), и на лиц, которым в установленном Законом порядке стали известны сведения, составляющие врачебную тайну (ст. 46 Закона). В Российской Федерации перечень обязанных лиц не дается, а указывается лишь на виды деятельности (обязанности), при осуществлении которых могут быть получены сведения, составляющие тайну (ч. 2 ст. 61 Основ).

Согласно общему правилу, иные лица не могут иметь доступ к составляющим врачебную тайну сведениям без согласия пациента либо уполномоченных законом (пациентом) представителей (в России – только законные представители, в Беларуси – более широкий круг лиц). Однако это правило имеет ряд исключений (ст. 46 Закона и ст. 61 Основ). Одним из них является раскрытие врачебной тайны в уголовном процессе, которое может наступить в результате: 1) предоставления сведений по письменному запросу органов уголовного преследования и суда в связи с проведением расследования или судебного разбирательства; 2) допроса врача в качестве свидетеля. Кроме того, начало уголовного процесса может быть связано с сообщением организацией здравоохранения правоохранительным органам о причинении вреда здоровью лица в результате насильственных (противоправных – ст. 61 Основ) действий.

Представляется, что порядок разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, в рамках уголовного процесса нуждается в совершенствовании. Для этого в УПК следует указать тех участников, чье право на врачебную тайну может быть ограничено, предусмотреть порядок составления и направления запросов в организации здравоохранения уполномоченными субъектами с обязательным обоснованием необходимости получения и объема запрашиваемых сведений, а также закрепить обязательность исключения из них информации личного характера. Актуальным для Республики Беларусь является вопрос о включении врача в перечень лиц, освобождающихся от уголовной ответственности за недонесение о преступлении (примечание к ст. 406 УК), а также определение круга лиц, имеющих право не свидетельствовать по уголовному делу по обстоятельствам, составляющим предмет врачебной тайны. В Республике Беларусь в настоящее время таким правом наделены только врачи (п. 7 ч. 2 ст. 60 УПК), а в ст. 56 УПК Российской Федерации аналогичная норма и вовсе отсутствует. Особого внимания заслуживает и проблема обязательного сообщения правоохранительным органам о факте насильственного (противоправного) причинения любого вреда здоровью. Ведь сообщение о причинении телесных повреждений, ответственность за которые наступает лишь при наличии заявления потерпевшего, нарушает его право на тайну личной жизни и принятие самостоятельного решения о необходимости судебной защиты.

Литература

1. Архив Минского городского суда за 2007 г. – Дело № 2-22/07.
2. Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 26 марта 2004 г. / Под общ. ред. д.ю.н. С.Г. Стеценко. – М.: Юрист, 2004. – 376 с.
3. Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2009.
4. Консультант Плюс: Россия. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2009.

Возникновение информации о преступлении

Писаренко Аксинья Петровна

преподаватель

**Таганрогский Институт Управления и Экономики, Юридический факультет,
Кафедра Уголовного Права и Процесса, г. Таганрог, Россия.**

E-mail: AksinjaPisarenk@rambler.ru

Предметом судебного исследования выступает преступление как акт человеческой деятельности, как специфическое явление, установление содержания которого составляет одну из задач доказывания. Последняя может быть решена только с помощью фактических данных о преступлении, т. е. той информации, которая в установленном законом порядке признана доказательствами по делу. Информация о механизме преступления и сопутствующих ему обстоятельствах возникает с момента формирования этого механизма и пополняется в течение всего времени его функционирования. Она возникает неизбежно, и сам процесс ее возникновения носит закономерный характер.

Говоря об отражении, нужно отметить, что оно определяется как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия. Процесс отражения включает в себя такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго. Поскольку отражение всеобщее присуще всей материи, всякий материальный процесс отражается в других материальных процессах, связанных с ним. Из закона диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального мира можно сделать вывод о том, что взаимосвязь при отражении есть одна из необходимых и универсальных связей объективной действительности: если всякий материальный процесс связан необходимо с другими процессами - не существует изолированных явлений, а следовательно, не существует и принципиально не отражаемых явлений.

Событие преступления - один из материальных процессов действительности, и как таковой он находится в связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями и явлениями, отражается в них и само выступает отражением каких-то процессов. Всякое событие связано с изменениями в окружающей среде. Связь изменений с событием существует объективно. Изменения в среде, связанные с событием, есть результат взаимодействия между ними, результат отражения события в среде. Только по ним можно судить о содержании события. Применительно к процессу доказывания изменения в среде как результат отражения в этой среде события есть информация об этом событии, те самые фактические данные, с помощью которых только и можно судить о событии преступления. Следовательно, сам процесс возникновения информации есть процесс отражения, а ее возникновение - результат этого процесса. Отражаемыми объектами в процессе возникновения информации о преступлении становятся элементы преступления.

Таким образом, свойства личности, средства и способы действий выступают как средства отражения. Совокупность всей доказательственной информации, соответствует

отражению преступления. Полнота отражения в рассматриваемом аспекте проявляется как ее достаточность для решения практических задач доказывания, что позволяет с достаточной степенью точности установить объективную истину по делу.

Обнаружение доказательств, рассматривается как их поиск, выявление, обращение внимания на те, или иные фактические данные, которые могут иметь доказательственное значение.

Определение круга ситуационно типичных доказательств на базе закономерностей их возникновения создает необходимые предпосылки к их распознаванию в той среде, где они находятся. «Отпечаток», отражение преступления вычлняется из среды, отделяется от отражающего объекта как носителя этого отражения. Становится, в принципе, возможным из многообразия явлений, процессов объективной действительности на основе познания закономерностей отражения выделить только те явления, факты, которые могут стать доказательствами, результатом акта отражения, т. е. находятся в необходимой связи с преступлением. Возможность обнаружения доказательств становится действительностью, закономерным явлением, ибо приобретает необходимый, повторяющийся, устойчивый и всеобщий характер. Но и эта закономерность, как и всякая объективная закономерность, проявляется как тенденция, т. е. прокладывает себе путь через случайные отступления от нее, когда в силу тех или иных объективных или субъективных моментов доказательства остаются необнаруженными, несмотря на объективно существующую возможность их обнаружения во всех случаях.

Обнаружены, могут быть только те доказательства, которые содержат поддающуюся смысловой интерпретации информацию, т. е. те, смысл которых может быть понят, расшифрован с помощью существующих на данном уровне знания средств декодирования. Чем шире круг таких средств, доступных, известных субъекту доказывания, тем шире круг обнаруживаемых доказательств. Содержащейся в них и понятной для субъекта информацией доказательства как бы «заявляют» о своем существовании и местонахождении. Без такого информативного свойства, присущего материальным и идеальным следам события, их обнаружение и использование в качестве доказательств было бы невозможным.

Субъективными факторами, которые способствуют превращению объективно существующей возможности обнаружения доказательств в действительность их обнаружения, являются:

- знание субъектом доказывания общих закономерностей возникновения информации о преступлении и преступнике;
- знание им ситуационных особенностей механизма возникновения этой информации;
- знание того, что может представлять собой в данной ситуации доказательство, по крайней мере, как типичное, общее;
- знание приемов и средств обнаружения доказательств и умение применять эти приемы и средства;
- обладание необходимыми субъективными качествами (наблюдательность, внимание, терпеливость, способность логически мыслить и т. п.).

Поскольку закономерности обнаружения доказательств неразрывно связаны с закономерностями возникновения информации о преступлении и преступнике, а последние, как было сказано, проявляются ситуационно, в зависимости от конкретных условий, закономерности обнаружения доказательств тоже проявляются как ситуационные. Ситуация определяет особенности процесса обнаружения доказательств. Сходство же определенных ситуаций между собой, повторяемость их общих черт, закономерность, т. е. повторяемость процессов обнаружения доказательств, создают условия для группирования и обобщения этих процессов, для их типизации. Типизация процессов обнаружения доказательств означает познание управляющих ими закономерностей.

1. Поляков М.П. (2001) Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Монография / Под научн. ред. проф. В.Т. Томина. - Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.
2. Орлов Ю.К. (2000) Основы теории доказательств в уголовном процессе. - М., 2000.

Содержание принципа допустимости доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Украины.

Птащенко Д. С.

Студент

Киевский национальный университет им. Т. Шевченка

юридический факультет, Киев, Украина

E-mail: dimitrij9@gmail.com

Принцип допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве был, есть и будет камнем преткновения не только доказательного права, а и всего уголовного процесса. Законодатель определяя смысл принципа допустимости доказательств должен учитывать с одной стороны эффективность борьбы с преступностью, а с другой стороны – придерживаться конституционных прав и свобод человека. Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Российской Федерации и Украины по разному толкуют эти понятия. Так, статьей 75 УПК РФ предусмотрено, что доказательства, которые полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми, а именно: 1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде; 2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности; 3) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего УПК.

В УПК Украины нет специальной нормы, которая бы прямо раскрывала содержание принципа допустимости доказательств в уголовном процессе. Органы досудебного расследования и суды в своей деятельности руководствуются положением Конституции Украины (далее – КУ), а именно ч. 3 ст. 62 КУ, которая предусматривает, что обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях. Словосочетание «незаконным путем» судебная практика трактует не только как нарушение норм УПК, а и других законодательных актов. Кандидат юридических наук С. Прилуцкий считает, что такая позиция законодателя оправданна: суду противоречит роль сторонника нарушителя конституционных прав через разрешения использовать доказательства, полученные в связи с такими нарушениями. Пленум Верховного суда Украины в своем постановлении от 30 мая 1997 года «Про усиление судебной защиты прав и свобод человека и гражданина» положил обязанность на суды определять недопустимыми доказательства, которые противоречат части 3 статьи 62 Конституции Украины. Исторические корни такого содержания принципа допустимости доказательств в Конституции Украины ведут к принятой в 1791 году 4 – й поправки к Конституции США и решению провозглашенном в 1914 г. в деле Вискс против Соединенных Штатов, которое закрепило правило: 1. удерживание полицейских представителей от нарушений Конституции; 2. предостережение превращения судов в соучастников-нарушителей конституционных прав через разрешение прокурору

использовать доказательства, полученные в результате таких нарушений. К сожалению, толкование принципа допустимости доказательств таким путем приводит к усложнению раскрытия преступлений и использованию в суде доказательств: когда есть доказательства, которые непосредственно указывают на личность преступника и прямо доказывают его вину (например, следователю была предоставлена аудиозапись, в которой преступник сознается и детально рассказывает о преступлении), однако в связи с тем, что они были собраны с нарушением конституционных прав человека (принцип тайны переписки и телефонных разговоров – ст. 31 КУ) ведут к их неприменению и нераскрытию преступления. Хотя уровень общественной опасности между нарушением права на тайну телефонных разговоров и преступлением (например, убийством) - несоизмерим.

Принцип допустимости доказательств в УПК Украины требует реформации, которая была бы направлена на сужение норм, которыми бы должны были руководствоваться органы досудебного расследования при сборе доказательств.

Литература

1. Вестник Верховного суда Украины. 1996. №2. С. 13
2. Грошевой Ю. А. Проблемы дифференциации нарушений уголовно-процессуальных норм в доказательстве // Вестник Академии правовых наук. 1997. №2(9). С. 115.
3. Прилуцкий С. Институт допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве США и Англии: сравнительно-правовой аспект // Право Украины 2006 № 10 С. 137
4. Карри Д. П. Конституция США. – К., 1993. – С. 147
5. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2004. — 480 с.

Меры защиты свидетелей по уголовному делу: закон и реальность.

Саркисян Лала Рубиковна

Студентка

*Таганрогского института управления и экономики, юридического факультета,
Таганрог, Россия*

E-mail: babyboss008@mail.ru

"Реформу нравов следует начинать с реформы законов" К. Гельвеций

УПК РФ, исходя из международно-правовых стандартов защиты участников процесса, закрепляет, что при необходимости обеспечить безопасность участников следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. Данная норма нашла свое отражение в п.9 ст.166 УПК РФ. Необходимо обратить внимание на то, что в УПК оказалось не предусмотренным, использование псевдонима в стадии возбуждения уголовного дела. При наличии основания для возбуждения уголовного дела, следует переносить первый контакт с лицами, обладающими важной доказательственной информацией, в следующую стадию - предварительного расследования, в которой и принимать решение о предоставлении псевдонимов. Все действия, проводимые с участием этого лица, должны осуществляться таким образом, чтобы была сохранена его анонимность. Потому в протоколах процессуальных действий не указываются не только подлинные данные, но и любые сведения, которые позволяют установить его личность. Одновременно с разъяснением права ходатайствовать о предоставлении псевдонима гражданину должно быть разъяснено и то, что его

подлинные данные могут быть раскрыты сторонам по решению суда в стадии судебного разбирательства на основании ч. 6 ст. 278 УПК.

Об участии гражданина в уголовном процессе под псевдонимом (но не о его подлинных данных) обвиняемому и защитнику должно стать известно при ознакомлении с материалами уголовного дела. Оставление их в неведении, что некто участвует в уголовном процессе под псевдонимом, исключит возможность для осужденного обжаловать обвинительный приговор на том основании, что, по его мнению, приговор "в решающей степени" (выражение Европейского Суда по правам человека) основан на показаниях, данных под псевдонимом. Неотъемлемость у осужденного права на обжалование приговора по такому основанию следует из решений Европейского Суда.

Что же касается основания использования псевдонимов, то в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК меры безопасности, в том числе псевдоним, применяются при наличии достаточных данных о том, что участникам процесса «угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями». При толковании данной нормы применение мер безопасности оказывается возможным лишь при условии, что угрозы участникам процесса уже высказаны. Таким образом, невозможно предотвратить посткриминальное воздействие, его можно лишь пресечь¹.

Между тем, уже более трёх лет назад, вступил в силу Федеральный закон №119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Он взял под защиту государства потерпевших, свидетелей, их родных и близких, понятых и экспертов, участвующих в уголовном судопроизводстве педагогов и психологов. Меры защиты самые разнообразные: личная охрана, выдача специальных средств защиты, связи, установка сигнализации в квартире, замена документов и переселение в другой регион страны, трудоустройство на новом месте, изменение внешности и биографических данных и все за счет федерального бюджета.

Но насколько работает данный закон применительно к существующим реалиям? Ведь общеизвестно, что большинство русских граждан, не охотно сотрудничают с правоохранительными органами (причина, и в недоверии населения органам милиции и всей правоохранительной системе в целом, и, не желание тратить время на походы в милицию, да и вообще, сколько ни будь, быть причастными, к такого рода вопросам). Россиянин как этнопсихологический тип не склонен полагаться ни на справедливый суд, ни на интеллектуальную логику. Он не мыслит формулами и общими положениями: они для него внечеловечны. Современное же российское общество – это общество с обширной зоной неблагоприятного влияния социально-экономических и политико-идеологических факторов, вызывающих деформацию нравственного сознания. В современных условиях эволюция правосознания российского общества характеризуется следующими тенденциями: широким распространением незаконных практик, а также падением нравственной составляющей в правовом сознании.

К примеру, в 2007 году в Ростовской области было совершено чудовищное убийство двух девочек, заставившее содрогнуться без малого всю страну. Меры по выявлению преступника были приняты разнообразные и беспрецедентные: сотрудники следственного комитета при прокуратуре РФ по Ростовской области провели 183 экспертизы по делу об убийстве девочек, по делу, материалы которого составили 150 томов, допрошены более 400 человек. Проверены лица, входящие в круг подозреваемых: 4 тыс. судимых человек и 3 тыс. совершивших преступления на сексуальной почве. Проведены геномно-дактилоскопические экспертизы. Убийство было совершено на пустыре на окраине города, где часто собирается молодежь. И в этот страшный день, там

тоже были люди. Оказалось, что у преступления было (как минимум) двое свидетелей, которые обладали информацией и могли бы существеннейшим образом повлиять на ход дела и на скорейшие поиски преступника, но они предпочли промолчать - «во избежание неприятностей»... Но ведь, будучи эти граждане более сознательными, да и попросту, более человечными к чужому горю, как эффективно можно было бы минимизировать усилия и материальные затраты, при раскрытии преступления, сократить время. Кроме этого, согласно статье 125 УК РФ «Оставление в опасности», очевидцы, которые могли видеть убийцу и были рядом с местом преступления, никакого серьезного наказания не понесут. Очевидцам грозит только штраф?

Таким образом, можно сделать следующие выводы – во-первых, законодательство о защите свидетелей на практике не реализуется в той мере, в которой необходимо, и, во-вторых, что потенциальные свидетели не доверяют данному закону, точнее его работе при реальных обстоятельствах. Как видно, первое, вытекает из второго – без сильного, работающего и покровительственного закона нет доверия населения, без веры в закон и защиту государства, разрушается вся система в целом.

В рассматриваемом нами вопросе, есть и обратная сторона медали- нельзя забывать и о возможных негативных последствиях при защите государством свидетелей. Так, данный закон может открывать путь для всякого рода злоупотреблений. Лжесвидетельства могут привести не только к непродуманной опеке свидетелей, но и к появлению незащищенных граждан, подвергнувшихся ложным свидетельским показаниям, Для этого видится необходимым введение определенных гарантий для того чтобы защищаемые, т.е. лица находящиеся «под псевдонимом» не злоупотребляли своим статусом.

Литература

1. Брусницын Л. //Законность, 2005.
2. [www.yugmedia.ru /ne_3819322](http://www.yugmedia.ru/ne_3819322)

Проблемы противодействия коррупции в свете особого производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц

Сергеев В.В.¹

Студент 4 курса юридического факультета

Чебоксарский кооперативный институт Российского университета кооперации,

Чебоксары, Россия

E-mail: sergeev88@gmail.com

Коррупция, как одно из самых пагубных явлений для любого государства, стала для России в начале XXI века основным препятствием для политического, экономического и духовного возрождения, а также превратилась в реальную угрозу национальной безопасности страны, главный тормоз на пути любых преобразований.

Сотрудники правоохранительных органов все чаще сталкиваются с ситуациями, когда необходимо проводить следственные действия с участием лиц, обладающих неприкосновенностью, в том числе привлекать по уголовным делам в качестве обвиняемых депутатов, прокуроров, следователей, адвокатов и судей, совершивших противоправные деяния. Необходимо подчеркнуть, что борьба со взяточничеством ведется при отсутствии фактического равенства граждан перед законом (ч.1 ст.19 Конституции РФ), так как ряд категорий граждан наделены иммунитетом от привлечения к уголовной ответственности. Как отмечается специалистами, «на сегодня в списках «неприкосновенных» насчитывается свыше 28 тысяч» (2).

По данным Председателя Верховного суда РФ Вячеслава Лебедева, в 2008 году за взяточничество в стране были осуждены 1300 человек. Доля работников МВД составила

среди них 31 процент. Более 20 процентов осужденных взяточников работали в сфере здравоохранения, 9 процентов – муниципальными служащими (4). В то же время в Генпрокуратуре РФ заявили, что в 2008 году в России за преступления коррупционного характера были осуждены 1642 должностных лица, в том числе 62 депутата разных уровней, трое судей, 8 прокуроров и 66 следователей (3).

Одним из важнейших событий прошлого года является принятие Национального плана противодействия коррупции, утвержденного Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 года. Очень важно то, что в разделе I определены законодательные меры по обеспечению противодействия коррупции, одна из которых предусматривает «сокращение категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам и ведения оперативно-розыскных мероприятий», но не уточняет, какие именно категории будут исключены из этого перечня лиц.

Аналогичная рекомендация имеется в Конвенциях ООН и Совета Европы, в соответствии с которыми «предстоит пересмотреть перечень лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам» (1).

До сих пор идет активное обсуждение этого вопроса. Следует заметить, что по поводу изменения ст. 447 УПК РФ существуют различные точки зрения как высокопоставленных должностных лиц, так и ученых, экспертов.

По мнению некоторых исследователей и практиков, из этого перечня должны быть исключены категории лиц, перечисленные в пунктах 6 – 10 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, а именно: прокурор; Председатель Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации; руководитель следственного органа; следователь; адвокат; член избирательной комиссии, комиссии референдума; зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного органа государственной власти субъекта РФ.

Не вызывает сомнений, что лица, перечисленные в пунктах 1 – 5 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, представляют наибольшую значимость для решения вопросов государственного и местного значения, что связано с определенным риском и необходимостью закрепления дополнительных юридических гарантий их защиты от необоснованных притязаний.

Так, Председатель следственного комитета при Прокуратуре РФ Александр Бастрыкин в рамках объявленной в стране кампании по борьбе с коррупцией предложил исключить из этого перечня депутатов и выборных лиц местного самоуправления. По его мнению, эти категории лиц «из-за упрощенной системы проверки кандидатов на должности, попадают лица, ранее судимые за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также члены организованных преступных групп, которые и после избрания остаются активными участниками преступного сообщества» (3).

Целесообразнее, на наш взгляд, пойти по пути более тщательного отбора кандидатов в депутаты и выборных лиц местного самоуправления. И депутатский иммунитет – это защита законодателя, а не индивидуума, он позволяет депутату реализовать свои полномочия, которыми его наделил избиратель. Цель иммунитета заключается в обеспечении повышенной охраны законом соответствующего субъекта, создании определенного усложнения соответствующих процедур, с тем чтобы оградить лицо от необоснованных преследований.

В конце 2008 года серьезные изменения коснулись ст. 448 УПК РФ. В принятых Думой законопроектах упрощается порядок возбуждения уголовного дела в отношении депутатов, судей, прокуроров, адвокатов. Итак, решение о возбуждении уголовного дела в отношении прокурора, руководителя следственного органа, следователя, принимается вышестоящим руководителем следственного органа Следственного комитета при прокуратуре РФ, а в отношении адвоката – руководителем следственного органа Следственного комитета при прокуратуре РФ по району, городу. Теперь для этого не требуется заключения судьи районного суда.

По сведениям Следственного комитета прокуратуры РФ по Чувашской Республике, уже в начале 2009 года в отношении 3-х адвокатов республики возбуждены уголовные

дела. На наш взгляд, принятые поправки в части возбуждения уголовных дел в отношении этих лиц создает лишь «иллюзию» о наличии неприкосновенности и в реальности положения дел не находит своего отражения.

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что существующий перечень не позволяет однозначно определить критерии, по которым определяются категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. На наш взгляд, действующее законодательство не в полной мере отвечает современным реалиям, поэтому требуют уточнения и упорядочения положения гл. 52 УПК РФ, а законодателю следует определиться, для чего он закрепляет ту или иную особую категорию лиц в УПК РФ. Для этого, прежде всего, необходимо разработать систему критериев, по которым следует выделять такую категорию лиц. И только после этого будет понятно, в каком виде должен существовать перечень лиц, обладающих уголовно-процессуальным иммунитетом.

Совершенствование российского антикоррупционного законодательства позволит приступить к новой фазе – созданию прочной долговременной системы правовых основ предупреждения коррупции на всех уровнях общественного организма: в законотворчестве, в правоприменительной практике, деятельности государства, общественных институтов, органов местного самоуправления.

Литература

1. Козлов В.А. (2007) Государственная политика в сфере противодействия коррупции: международно-правовые аспекты [Электронный ресурс]. Режим доступа: Консультант Плюс.
2. Савенков А.Н. (2008) Проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Серия: Проблемы национальной безопасности. № 16 (361).
3. www.genproc.gov.ru (Генеральная прокуратура Российской Федерации).
4. www.supcourt.ru (Верховный суд Российской Федерации).

Процессуальное оформление СМС-сообщений в процессе доказывания.

Сергеева Ксения Анатольевна

Студентка

Московская Государственная Юридическая академия им. О. Е. Кутафина

E-mail: Ksusha_195@list.ru

Огромное значение при принятии решения по уголовному делу имеет установление фактических обстоятельств события преступления и виновности лица, совершивших преступное действие (бездействие). Сложность этого процесса состоит в том, что обстоятельства расследуемого события имели место в прошлом, они не могут быть воспроизведены повторно, а знания о фактах прошлого можно получить лишь восстановив полную картину события на основе тех сведений, которые остались в объективном мире, доказательств.

В последнее десятилетие общение посредством мобильного телефона стало неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности любого человека. Это новшество достаточно быстро вошло в обиход, и теперь трудно представить, что еще совсем недавно – на памяти одного поколения – люди могли обходиться без него. Удобство и простота в использовании привлекает все больше людей, не исключая и тех, кто использует техническое средство для реализации своей преступной деятельности.

Следовательно, обычный мобильный телефон может содержать важную информацию, речевые произведения, которые могут использоваться как *Corpus delicti*, поскольку в них содержится прямой источник правовой оценки правонарушения, совершенного посредством речи¹. Дата \время \номер (с которого было прислано сообщение или принят вызов, \на который сообщение было отправлено или произведен вызов с данного телефонного аппарата) \текст

Секция «Юриспруденция»

сообщения (присланного на этот телефон или отправленного с него на какой-либо номер) - это минимальный объем информации, который можно получить из телефонного аппарата.

Непосредственно сам телефонный аппарат будет являться вещественным доказательством если он:

- послужил орудием преступления (в случае, если с данного телефонного аппарата отправлялись СМС-сообщения с угрозами или производились звонки подобного характера)
- сохранил на себе следы преступления (следы крови, отпечаток пальца)
- может служить средством для обнаружения преступника (похищенный у жертвы)

Самый же простой и малозатратный способ общения посредством мобильного телефона – СМС-общение. Оно стало неотъемлемой частью нашей жизни и оказывает значительное влияние на взаимоотношения людей. Следовательно, не менее важная информация скрывается непосредственно в тексте сообщения, исследование которого помогло бы сузить «зеленый коридор» предоставляемый преступникам неспособностью правоохранительных органов предупреждать противозаконные действия в сфере СМС-общения. СМС-сообщения в данном случае должны рассматриваться не как доказательство, а лишь как объект исследования судебного эксперта, результат которого (заключения эксперта) и будет являться доказательством по уголовному делу.¹

При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.¹ Выступая в качестве доказательств, мобильный телефон и информация, хранящаяся на нем (СМС-сообщения) имеют свои особенности. Они должны быть получены и исследованы в определенном порядке.

Во-первых, должен быть оформлен факт обнаружения или получения мобильного телефона следователем (судом). Он изымается вместе с находящейся в нем SIM-картой в ходе какого-то следственного действия (осмотра, обыска, выемки и др.), и факт изъятия фиксируется в протоколе данного действия, или представлен обвиняемым, потерпевшим, другими участниками процесса, а также гражданами¹, что также должно быть оформлено соответствующим протоколом.

Во-вторых, чтобы мобильный телефон мог быть использован для установления фактических обстоятельств дела, он (непосредственно телефонная трубка, а также информация, которая на нем хранится) подлежит тщательной проверке, всестороннему исследованию и критической оценке. Мобильный телефон как вещественное доказательство должно быть осмотрено, подробно описано и сфотографировано¹. Осмотр телефонного аппарата производится с целью обнаружения и фиксации традиционных криминалистических следов (следов пальцев рук, запахов следов). Он может быть произведен в ходе того следственного действия, при котором происходило изъятие (например, при осмотре места происшествия), и тогда его результаты фиксируются в протоколе, либо в ходе отдельного следственного действия, оформляемого самостоятельным протоколом.

Если же интерес для следствия представляют СМС-сообщения, то мобильный телефон должен быть осмотрен, сфотографирован и опечатан. Самостоятельная попытка осмотра с целью выявления наличия СМС-сообщений, их содержание, адресата/адресанта, даты и времени получения/отправления каждого из сообщений может привести к утрате или замене важной для следствия информации, поэтому эту работу должен осуществлять специалист. В целях последующего оперативного использования СМС-сообщений возможно их выявление, изъятие и фиксация с участием специалиста. Следователь вправе привлечь его к участию в следственном действии для получения ориентирующей информации, предварительно разъяснив права и ответственность.

В присутствии следователя и понятых специалист фотографирует каждое из сообщений с дисплея телефона, затем с применением технических средств переносит СМС-сообщения и всю информацию о них на компьютер. Полученные материалы должны быть структурированы и представлены в виде: фототаблицы из полученных снимков и таблицы СМС-сообщений (информация о данном объекте представлена в 4 категориях: номер; имя, которому соответствует номер в телефонной книге; дата и время получения/отправления; текст), и

впоследствии приложены к заключению приглашенного специалиста. Заключение специалиста готовится до возбуждения уголовного дела, оно не имеет доказательственного значения и не приобщается к материалам уголовного дела.

Информация специалиста, полученная в результате предварительных исследований, доводится до сведения следователя и оперативного работника, а впоследствии фиксируется в журнале учета выездов на места происшествий. Она может послужить основанием для возбуждения уголовного дела.

Соблюдение процессуальных правил обращения с подобными доказательствами предоставит юристам дополнительные рычаги правового регулирования информации, пресекая и карая за совершение преступлений не только в реальной действительности, но в «виртуальной» среде.

Список используемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)(с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ)
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2001)(ред. от 30.12.2008)
3. Галяшина Е. И. «Методологические основы судебного речеведения», диссертация доктора филологических наук, Москва, 2003
4. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание – М.: институт повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы. 2005. – 264 с.; 14*21 см. – 3000 экз.;
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Отв. ред. Lupinская П.А., М.: Юристъ, 2005. — 815 с.

О некоторых аспектах обжалования действий и решений органов предварительного расследования

Снежко Александр Павлович

Аспирант

Академия Безопасности, г. Москва, Россия

E-mail: opel007@nl.n.ru

Возможность судебного обжалования процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений на этапе предварительного следствия вытекает из положений ст.46 Конституции Российской Федерации, согласно которым: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Указанные положения получили развитие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, согласно ст. 19 которого право на обжалование действий и решений суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя закреплено в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством определено, что обжалованию в судебном порядке подлежат действия и решения органов расследования, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан, участвующим в уголовном судопроизводстве, либо затруднить доступ граждан к правосудию. Отметим, что понятие «затруднение доступа к правосудию» закон не дает, но на наш взгляд представляется что под этим термином следует понимать ситуацию, в которой гражданином не может быть в необходимой степени реализовано конституционное право на судебную защиту.

Таким образом, обозначены границы правомерности процедуры обжалования, согласно которой для обращения в суд достаточно наличия хотя бы одного из двух

указанных условий. В статье 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) указанный порядок рассмотрения жалоб подробно определен.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что нормами УПК РФ не предусмотрено каких либо процессуальных сроков, ограничивающих временными рамками право обжалования, предусмотренного статьей 125 Кодекса. Поскольку в сфере уголовно-процессуальных отношений УПК РФ обладает приоритетом перед другими нормативными правовыми актами, то решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию могут быть обжалованы только в порядке им предусмотренном, и здесь недопустимо применять процессуальные сроки, устанавливаемые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ и Законом РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»¹.

Заметим, что на практике возникают случаи, когда рассмотрение судами жалоб как в первой инстанции, так и в порядке пересмотра часто производится за пределами срока проведения предварительного следствия или дознания, после передачи уголовного дела для рассмотрения его по существу. В таком случае, как отмечается в научной литературе, судебный контроль за действиями и решениями органов расследования, принятых и осуществленных на досудебных стадиях уголовного преследования, не должен подменять, заменять судебный контроль, осуществляемый при рассмотрении уголовного дела по существу, а тем более конкурировать с ним. Недопустимо наличие двух производств, рассматривающих одни и те же вопросы в различных судебных процедурах. Преимущество при разрешении такой коллизии должно быть отдано именно контролю за действиями и решениями органов предварительного расследования, осуществляемому при рассмотрении судом дела по существу¹.

Представляется логичным, что при поступлении такой жалобы суд должен установить, будет или нет проверяться обжалуемые решения или в судебном разбирательстве по существу уголовного дела, если да, то в этом случае жалоба возвращается заявителю с объяснением, что на данном этапе производства обжалуемые действия обжалованию не подлежат.

Судебный контроль, как подчеркивает Ф.Н. Багаутдинов, расширение сферы его действия на предварительном следствии, безусловно является позитивным моментом с точки зрения обеспечения частных интересов, однако сфера его действия сегодня ничем не ограничена. УПК РФ допускает возможность судебного обжалования практически любого решения и действия следователя, дознавателя, прокурора, что вряд ли отвечает публичным интересам¹.

Не до конца урегулированы многие вопросы, связанные с подачей подобных жалоб в порядке ст. 125 УПК. Сюда относятся вопросы проведения подготовительных мероприятий по ее рассмотрению, а также прекращения производства по жалобе в случаях, когда обжалуемое решение отменено компетентным органом до рассмотрения жалобы или когда жалоба не может служить предметом рассмотрения, поскольку не затронуты конституционные права заявителя. Необходимо также в Кодексе решить вопрос о том, какую информацию достаточную для ее рассмотрения должна содержать жалоба, и предусмотреть перечень документов, представляемых в суд в целях подтверждения законности и обоснованности обжалуемых действий и решений дознавателем, следователем и прокурором, а также критерии, которым эти документы должны соответствовать.

Представляется обоснованным также дополнить ст.125 нормами, устанавливающими порядок отказа от рассмотрения жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих предварительное следствие.

Такое положение вещей, учитывая вышесказанное, требует, по нашему мнению, проведение работы по разработке и закрепления в законе четкого перечня процессуальных решений, которые допустимо обжаловать на этапе предварительного следствия, а также обоснованных временных пределов проверки таких жалоб.

Необходимо обратить внимание, что положение, когда можно обжаловать в суд большинство процессуальных решений следователя, при определенных условиях может парализовать ход расследования, так как суды, не имея отношения к дальнейшему движению жалобы (дела), зачастую по формальным основаниям отменяют ранее принятые следователем решения¹.

Литература

1. Рыжих А.Н. Сроки осуществления судом контрольных полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса / «Российский судья», 2007, № 6.
2. Багаутдинов Ф.Н. Состояние и перспективы судебного контроля // Российская юстиция №3, 2001 г.
3. Багаутдинов Ф.Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии / «Журнал российского права», № 12, 2002 г.

Сущность и возникновение уголовно-процессуальных правоотношений в свете доктрины судебного права

Соколов Тимур Викторович¹

студент

*Юридический институт Томского государственного университета, Томск, Россия
e-mail: tvs_2008@mail.ru*

Идущая судебная реформа привлекает интерес исследователей как материального, так и процессуального права. Одной из «точек приложения» этого интереса является сущность судебной власти и процессуального права, в связи с чем авторами вспоминаются работы о судебном праве, изданные в разное время И.В. Михайловским (1905, 1908), Н.Н. Розиным (1910, 1916), В.А. Рязановским (1920), Н.Н. Полянским (1927, 1957) и М.С. Строговичем (1939, 1983). Суть разрабатываемой названными авторами концепции судебного права заключается в том, что судоустройство, уголовное и гражданское судопроизводства составляют комплексную отрасль судебного права. В современное время судебное право можно рассматривать, во-первых, как науку (концепция перерастает в доктрину) и, во-вторых, как совокупность норм права, рангом более чем отрасль права Н.В. Витрук предлагает термин «правовой комплекс» – объединение ряда отраслей права со сходными предметом и методом правового регулирования. Содержательное отличие доктрины судебного права заключается в том, что в орбиту его изучения попадают категории «судебная власть», «процессуальное право» и др., чего не было в советской юриспруденции. Доктрина судебного права опирается на теорию права в базовых вопросах и транслирует свои знания на отраслевые процессуальные науки. Одной из таких проекций будет рассмотрение сущности уголовного процесса.

В современное время уголовный процесс преимущественно рассматривается как деятельность участников со стороны обвинения и защиты, а также суда по возбуждению, расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел, проверки судебных решений, не вступивших и вступивших в законную силу, осуществлению уголовного преследования и защите от него, а также деятельность участвующих в процесс лиц, направленная на осуществление уголовно-процессуальных прав и исполнение обязанностей, реализуемая посредством уголовно-процессуальных отношений (5, с. 21). Из определения видно, что в сущности уголовного процесса первична деятельность, а уголовно-процессуальное отношение вторично. Возникает вопрос: как соотносятся

уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальное отношение, и какое значение в этом соотношении может сыграть идея судебного права?

Теорией судебного права процесс (как правоотношение) рассматривается как средство принудительной (юрисдикционной, судебной) реализации норм материального права, подлежащего применению к конкретному спорному материальному правоотношению, а процесс как отрасль права определяет порядок такого применения. Следовательно, уголовный процесс служит принудительной реализации уголовных правоотношений, складывающихся между физическим лицом, которое совершило преступление и обязанное претерпеть за это меры уголовно-правового характера, и государством, которое вправе применить эти меры уголовно-правового характера. Уголовное правоотношение абстрактно, поскольку есть ситуации, когда органы уголовной юстиции не осведомлены о преступлении, а утверждается, что отношение возникло. Из этого видится, что уголовный процесс существует для того, чтобы реализовалось уголовное правоотношение, при этом уголовно-процессуальное отношение отлично от уголовно-правового, оно самостоятельно и имеет другую структуру. Если уголовное правоотношение – это властеотношение, изображаемое как вертикальная черта, верхняя точка которой – государство, а нижняя – субъект уголовной ответственности, то уголовно-процессуальное выглядит иначе. Доктриной судебного права считается, что процессуальное отношение, в т.ч. уголовно-процессуальное, выглядит как равнобедренный треугольник, на концах основания которого расположены стороны: обвинения и защиты (истца и ответчика), а вершина треугольника – это суд, который уполномочен осуществить правосудие (разрешить дело по существу, а также пересмотреть дело в апелляционном или кассационном, надзорном порядках), а в уголовном процессе – также осуществить судебный контроль на досудебном производстве и на стадии исполнения приговора. Как известно следователь, руководитель следственного органа и прокурор являются государственными органами, а суд – органом государственной власти (ч. 1 ст. 10 Конституции РФ). Возникает вопрос: как соотносятся их правовые статусы и функции? Представляется, что они не составляют государство в целом, а выполняют отдельные, не противоречащие друг другу функции. Государство в процессе «разделяется» на двух участников: судебную власть и обвинительную власть – прокуратуру – носителя права государства на уголовное преследование. Главным субъектом со стороны обвинения рассматривается прокурор как представитель государства в уголовном правоотношении, а обвинительное заключение (акт) – есть его уголовный иск в суд для разрешения уголовного дела по существу. Такая модель процесса основана на концепции самоограничения государства – одной из базовых идей правового государства, живущих как в политико-правовых учениях, конституционном праве, так и в процессуальном праве. Только прокурор должен иметь право распоряжаться правом государства на уголовное преследование, сначала предъявляя уголовный иск, а затем поддерживая его в судах первой и последующих инстанций.

Специфика уголовно-процессуального правоотношения заключается, во-первых, в том, что оно живет только в правой форме, оно порождено правом, не существует фактических процессуальных отношений, «в природе» (в отличие от семейных, ряда гражданских и др.). Во-вторых, действия участников процесса заранее запрограммированы в процессуальном законе, из чего вытекает невозможность широкого применения принципа диспозитивности. Примером такого программирования в уголовном процессе является регулирование в УПК деятельности прокурора, следователя о том, что в каждом случае обнаружения признаков преступления, прокурор будет организовывать расследование преступления, а по его итогам – передавать уголовный иск в суд. В-третьих, процессуальное отношение и деятельность соотносятся как часть и целое: деятельность есть объект правоотношения, но не само правоотношение. Формой уголовно-процессуального отношения являются права и обязанности участников судопроизводства, а содержанием – подготовка и разрешение уголовного иска.

Уголовно-процессуальное отношение состоит из двух «частей»: досудебной, направленной на формирование уголовного иска, и судебной, заключающейся в разрешении уголовного иска. Моментом начала уголовно-процессуального отношения следует считать получение повода для возбуждения уголовного дела (но не иска).

Если доктрина судебного права будет принята широкой научной общественностью, а затем законодателем, повлечет изменение уголовно-процессуального законодательства в части реформирования ряда уголовно-процессуальных производств (судебного прекращения дел на досудебном производстве, ряда особых производств и др.). В науке уголовного процесса «ведущей» категорией должна стать категория правоотношения, а не деятельности. Такое реформирование направлено на предупреждение нарушений и защиту прав личности, вовлеченной в орбиту правосудия, а также повышение авторитета суда в глазах населения, а сама доктрина должна помочь сделать шаг к признанию России правовым государством.

Литература

1. Михайловский И.В. (1905) Основные принципы уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск.
2. Рязановский В.А. (1920) Единство процесса. – М., Городец, 2005.
3. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. (1983) Проблемы судебного права. – М., Наука.
4. Витрук Н.В. (2006) Система российского права (новые подходы) // Российское правосудие. 2006. № 6.
5. Уголовно-процессуальное право: Учебник / Под ред. Ю.К.Якимовича. – СПб, 2007.

Свойства системы доказательств в уголовном процессе

Стоянов Н.М.

*Ассистент кафедры уголовного процесса
Одесская национальная юридическая академия,
Одесса, Украина
E-mail: stoyanov_n@mail.ru*

В научной литературе теме определения свойств доказательств традиционно уделяется значительное внимание. Практически не оспаривается закрепление за доказательствами таких свойств как относимость и допустимость. Дискуссионным представляется отнесение к числу свойств, как неотъемлемых признаков сведений об обстоятельствах преступления, достоверности, силы, убедительности, значимости.

В то же время свойства системы доказательств по уголовному делу фактически не выступают предметом самостоятельного исследования в науке уголовного процесса. Очевидным представляется тот факт, что в основу принятия законного и обоснованного решения по делу должна быть положена определенная совокупность доказательств. Однако такая совокупность должна характеризоваться рядом признаков, позволяющих говорить об образовании системы доказательств. С.И. Ожегов определяет «систему» как нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, определенный порядок в расположении и связи частей.

В соответствии со ст. 67 Уголовно-процессуального кодекса Украины суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом. Событие преступления и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном деле, как объект познания в уголовно-процессуальном доказывании обладает всеми признаками системы, которая объединяет взаимосвязанные и взаимодействующие элементы.

Подобно системе обстоятельств совершенного общественно опасного деяния формируются и фактические данные, с помощью которых такие обстоятельства устанавливаются. А.А. Хмыров совокупность данных, которые помогают установить отдельные обстоятельства, входящие в предмет доказывания, называет подсистемой доказательств. Конечно все доказательства, входящие в каждую из подсистем доказательств, объективно связаны с доказательствами в этой подсистеме и доказательствами, содержащимися в других подсистемах.

Как уже говорилось выше, совокупность доказательств трансформируется в систему при приобретении определенных свойств. Представляется, одним из таких свойств выступает достаточность доказательств, означающая, что на основе данной их системы может быть сделан достоверный вывод и принято соответствующее решение по делу.

Также к числу свойств системы доказательств необходимо отнести согласованность (непротиворечивость) сведений о преступлении, означающей, что между подсистемами и доказательствами, в них содержащиеся, отражающие структурные элементы предмета доказывания, отсутствуют противоречий. Система доказательств обладает также свойством однозначности, то есть из такой системы представляется возможным сделать лишь единственный логично обоснованный вывод о наличии (отсутствии) обстоятельств, подлежащих доказыванию, и исключена возможность любой другой логической интерпретации.

Подводя итоги вышеприведенному, следует отметить:

1. условием формирования системы доказательств является выполнение требований всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

2. необходимо отличать свойства отдельно взятого доказательства и свойства системы доказательств.

3. к числу свойств системы доказательств относятся:

- достаточность;
- согласованность (непротиворечивость);
- однозначность.

В связи с продолжающейся в Украине судебно-правовой реформой, разработкой проекта нового УПК Украины, предлагаю внести изменения в ст. 67 действующего УПК Украины («Оценка доказательств») и ст. 150 проекта УПК (регистрационный номер 1233, внесенный на рассмотрение в Верховную Раду Украины 13.12.2007 г.), изложив их в следующей редакции:

«Каждое доказательство должно быть оценено органом, ведущим уголовный процесс, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и убедительности. В основу принятия процессуального решения может быть положена система доказательств, характеризующаяся достаточностью, согласованностью и однозначностью».

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 7-ое, стереотипное. М.: Советская энциклопедия, 1968.
2. Хмыров А.А. О системе доказательств по уголовному делу // Вопросы борьбы с преступностью. – 1985. – Вып. 42. – С. 61-71.
3. Грошевий Ю.М., Стахівський С.М. Докази і доказування у кримінальному процесі. Науково-практичний посібник. – К.: КНТ, Видавець Фурса С.Я., 2006 – 272 с.
4. Деев М.В. Достатність доказів як передумова законності та обґрунтованості рішень у кримінальній справі // Вісник Запорізького державного університету. – 2003. – № 1. – С. 1-2.

Теория «плодов отравленного дерева»

в правоприменительной практике России и Германии

Трефилов А.А.

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: sasha_trefilov@mail.ru

В нормах о доказывания особое место занимают правила допустимости доказательств. Они должны создавать надежную основу для признания доказанными или недоказанными определенных фактов. В последние годы в научной литературе отмечается повышенный интерес к рассматриваемой проблематике, однако отдельные вопросы, в том числе теория «плодов отравленного дерева», к сожалению, почти не рассматриваются.

Цель моего доклада заключается в том, чтобы сопоставить подходы различных законодателей к данной теории, определить, какое значение она имеет в правоприменительной практике России и Германии, предложить возможные варианты разрешения сложившейся на сегодняшний момент ситуации.

Актуальность рассматриваемой проблематики состоит в том, что, во-первых, судебная практика России и Германии до сих пор не выработала единого подхода к теории «плодов отравленного дерева», во-вторых, научные школы этих стран так и не пришли к единому мнению относительно целесообразности ее применения, и, в-третьих, законодатели России и Германии, установив в УПК определенные правила к доказывания, не дали однозначного ответа на вопрос о юридической силе ее положений.

Судебная практика во всех без исключения странах мира неизбежно сталкивается с вопросом о том, как быть, если в цепочке доказательств, в которой каждое последующее доказательство основано на предыдущем, выпадает одно из звеньев ввиду признания того или иного доказательств недопустимым. Означает ли это распад всей цепочки? И если да, то какова дальность действия запретов на использование доказательств в процессе? В США ответ на данный вопрос однозначен, так как в большинстве американских штатов УПК напрямую недвусмысленным образом закрепляют теорию «плодов отравленного дерева», состоящую в том, что допустимые доказательства, полученные на основе недопустимых, также становятся недопустимыми. В свою очередь УПК РФ и УПК ФРГ ничего не говорят нам об этой теории, и поэтому о возможности ее применения можно судить лишь на основе толкования отдельных норм данных правовых актов.

Анализ ст.75 УПК РФ, посвященной недопустимости доказательств, не позволяет нам прийти к определенному выводу. «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». С формально-юридической точки зрения недопустимыми являются лишь те сведения о фактах, при получении которых были нарушены предписания УПК. Отсюда вовсе не вытекает то, что иные доказательства, полученные на их основе, будут являться недопустимыми. Но вместе с тем, по законам логики и с точки зрения здравого смысла, если дерево отравлено, то ядовитыми будут и его плоды. Вследствие отсутствия однозначного ответа на данный вопрос судебная практика пошла вразнобой. В одних случаях суды не применяют положения данной теории, в других – руководствуются ею. В.В.Золотых, приводит несколько примеров, вот один из них:

По делу Семенычева с нарушением закона была произведена выемка одежды у потерпевшей. Изъятая одежда затем была осмотрена, о чем был составлен соответствующий протокол, в котором отражено обнаружение на одежде следов выстрела. По делу была проведена баллистическая экспертиза, установившая, что выстрел был произведен с близкого расстояния. На предварительном слушании были исключены как недопустимые доказательства: протокол изъятия, протокол осмотра одежды, заключение баллистической экспертизы. При этом указано, что,

Секция «Юриспруденция»

поскольку первоначальные действия по изъятию одежды были произведены с нарушением закона, то и производные от этого последующие следственные действия не могут быть признаны имеющими юридическую силу

В УПК ФРГ нет отдельной статьи, посвященной недопустимости доказательств, есть лишь определенные правила, относящиеся к доказыванию, в частности §136а, но и они не дают однозначного ответа на вопрос о том, нужно ли в процессе доказывания руководствоваться теорией «плодов отравленного дерева». Я перевел на русский язык необходимые фрагменты работ немецкий процессуалистов Кельна, Роксина, Л.Розенберга, Акемана, Бокемюля, Хельмана и обнаружил, что мнения немецких правоведов, обобщив их, можно разделить на три группы:

- 1) Одни авторы, например, Кельн, отрицают данную теорию, так как «едва ли возможно установить, получено ли следующее доказательство без предыдущего процессуального нарушения»
- 2) другие правоведы, например, Роксин, поддерживают данную теорию, так как «иначе невозможно уклониться от смысла и предназначения запретов на использование доказательств в процессе»
- 3) Третья группа ученых, в том числе Хельман, предлагают решать данную проблему «путем взвешивания в каждом единичном случае степени первоначального нарушения процесса и тяжести расследуемого деяния»

На мой взгляд, данную проблему необходимо решать следующим образом. Если доказательство, полученное на основе недопустимого доказательства, с большой долей вероятности могло бы быть добыто законным образом, его необходимо признавать допустимым, в противном случае оно недопустимо. Такое решение анализируемой проблемы, с одной стороны, помогает избежать ситуации, когда из-за одного недопустимого доказательства будет разорвана вся цепочка, что может оказаться нелогичным применительно к отдельно взятому делу, а с другой – сочетает в себе причинно-следственные связи в процессуальной деятельности при переходе от одного доказательства к другому в соответствии с законами логики и человеческого мышления. В завершении хотелось бы отметить, что автор тезисов не претендует на безусловное одобрение выдвинутых им положений. Их необходимо рассматривать как начало диалога для детального и обстоятельного обсуждения сложившегося в правоприменительной практике России и Германии положения, связанного с недопустимым разном по вопросу о необходимости применения положений теории «плодов отравленного дерева»

Литература

- 1) Золотых В.В. «Проверка доказательств», М., 2000г., с.219
- 2) Köln, NZV, Rechtverlag, 2001, s.132
- 3) Roxin, §24, Rn. 47, Munchen, 2007, s.325
- 4) Hellmann, Rn. 45ff, Verlag C.H.Beck, 2006, s.312

Государственная защита участников уголовного процесса.

Ширитов Арсен Барасбиевич.

Преподаватель кафедры УПК

Нальчикского филиала Краснодарского университета МВД России,
Кабардино-Балкарская республика, Нальчик, Россия.

e-mail: ashiritov@mail.ru

В Российской Федерации свидетелями преступлений ежегодно выступают около 10 млн. человек. Около 2,5 млн. человек, то есть примерно четверть из них, в ходе процесса меняют свои показания.

По данным ВНИИ МВД России, 60% жертв преступлений не обращаются в правоохранительные органы. Примерно в 10—20% случаев расследования и рассмотрения уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям на потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства оказывается противоправное воздействие — угрожают убийством, причинением телесных повреждений, повреждением или уничтожением имущества в отношении самих указанных лиц или их близких. Следствием этого является отказ от данных ранее показаний или дача заведомо ложных показаний в пользу подозреваемых или обвиняемых.

«Одним словом, потерпевшие весьма слабо верят в эффективность и справедливость правосудия, в его способность защитить их права и изобличить преступников. Все бы хорошо, но только на практике указанный Закон № 119-ФЗ фактически не работает. Достаточно сказать, что, по данным МВД России, в 2005 году меры обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей, подозреваемых и иных участников уголовного судопроизводства, применялись лишь в 350 случаях. В 2006 году таких случаев набралось уже более 1000, что все равно ничтожно мало в отношении к количеству зарегистрированных преступлений»¹.

Поэтому проблема практической реализации Закона № 119-ФЗ, является сейчас наиболее актуальной. Возникла необходимость в разработке и осуществлении соответствующего механизма практической деятельности в организации защиты участников уголовного судопроизводства.

Для того чтобы заработал этот закон, должны быть приняты подзаконные акты, которые обеспечили бы действие всех положений закона. Необходимо внести изменение в целый ряд законов. Для повышения эффективности Закона № 119-ФЗ, были разработаны следующие подзаконные акты:

Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 г.г.» (Далее «Программа»). Программой предусмотрено финансирование определенных Законом № 119-ФЗ, основных мер безопасности, на которые требуются денежные средства.

Постановление Правительства РФ от 27.10.2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»;

Постановление Правительства РФ от 11.11.2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты»;

Постановление Правительства РФ от 03.03.2007 г. № 134 «Об утверждении правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Зайцев О.А. считает, что «организация государственной защиты участников уголовного судопроизводства включает в себя концептуальные вопросы управленческого характера, ресурсного и информационного обеспечения государственной защиты, без решения которых невозможно ее создание на практике. Эти вопросы касаются формирования и обеспечения деятельности специальных подразделений, призванных реализовывать меры безопасности; организации взаимодействия этих подразделений с органами дознания, следствия, прокуратуры и суда; функционирования социально-правовой системы защиты участников уголовного судопроизводства; создания специальных фондов для оказания помощи жертвам противоправных воздействий и других проблем управленческого уровня. Их успешное решение во многом

Секция «Юриспруденция»

предопределяет успех государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений в целом»¹.

Для реализации предусмотренных в Законе N 119-ФЗ защитительных мер потребуются создание действенного механизма для воплощения в жизнь его основных положений и вложения колоссальных финансовых средств со стороны государственного бюджета.

Литература:

1. Лукин В.П. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва, 27 мая 2008 г.

2. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации. М., 1999. С. 80, 99.

3. Федеральный закон « О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004г./Российская газета. 25августа 2004г.

4. Антошина А. Закон о государственной защите свидетелей./А. Антошина //Российская юстиция. №1. 2004.

5. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века/Л.В. Брусницын. - М. Юрлитинформ, 2001-.400с.